

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КРУПНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО АПК¹

Т. П. Максимова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся специфики наблюдаемых трендов в процессе рыночной трансформации российской сферы АПК. Проанализированы теоретические аспекты развития хозяйственных структур в прослеживаемых тенденциях холдингизации (или олигополизации) в российском секторе АПК. На основе анализа данных официальной статистики выявлены тенденции устойчивого опережения сельскохозяйственных организаций по объемам выпуска сельскохозяйственной продукции. Автор акцентирует внимание на феномене такого нового явления хозяйствующих субъектов в российской экономике, как агрохолдинги, и предлагает выделять данные интегрированные объединения в отдельный субъект хозяйствования, во-первых, для определения в долгосрочной перспективе оптимальных рыночных ниш по производству сельскохозяйственной продукции; во-вторых, осуществления контроля над усилением рыночной власти крупных форм хозяйствования; в-третьих, выработки тактики со стороны государственных институтов для реализации новых национальных целей в сфере АПК.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, агрохолдинги, аграрная структура.

CONCERNING METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCHING TRANSFORMATIONS IN BIG BUSINESS UNITS IN RUSSIAN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Tatiana P. Maksimova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article discusses issues dealing with specificity of trends observed in the process of market transformation in the Russian field of the Agro-Industrial Complex. Theoretical aspects of business unit development in the trends of holdingization (or oligopolization) in the Russian sector of the Agro-Industrial Complex were analyzed. Analysis of official statistics shows trends of sustainable advance of agricultural organizations by agricultural produce output. The author focuses at the phenomenon of such a new occurrence of business units in Russian economy as agro-holdings and proposes to single out these integrated associations in a specific business entity. It is necessary, firstly, to find in the long-term prospect the optimum market niches on agricultural produce output; secondly, to maintain control over intensifying market power of big business structures and thirdly, to develop tactics on the part of state institutions aimed at attaining new national goals in the field of the Agro-Industrial Complex.

Keywords: small business units, agro-holdings, agrarian structure.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01046 «Разработка адаптационных стратегий институциональной трансформации российского АПК для достижения новых национальных целей развития с учетом внешних вызовов».

Введение

В контексте новых национальных целей развития российской экономики в части достижения количественных показателей агропромышленной сферы экономики (Цель № 5: устойчивая и динамичная экономика¹) необходимо, во-первых, увеличить в ближайшие 5 лет объемы производства продукции российского АПК на четверть по сравнению с досанкционным периодом (2021 г.); во-вторых, увеличить в 1,5 раза объемы экспорта сельскохозяйственной продукции. При постановке таких амбициозных задач с учетом современных реалий беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику возникает вопрос: какие субъекты производства или какие формы хозяйствования (ФХ) будут реализовывать данные задачи?

Анализ промежуточных результатов рыночной трансформации субъектов хозяйствования в системе российского АПК свидетельствует о выделении и параллельном развитии в последние десятилетия двух ключевых форм хозяйствования: малых (МФХ) и крупных (КРФХ) при сохраняющихся тенденциях преобладания объемов выпуска продукции КРФХ в общей структуре производства.

В этой связи очевидна актуальность рассмотрения специфики КРФХ в российском АПК, тем более что на начальном этапе рыночных преобразований агропромышленной сферы российской экономики ставились задачи разукрупнения существовавших ФХ путем реорганизации колхозов и совхозов в сторону развития МФХ, в частности, крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ).

В ходе исследования использовались такие методы, как сравнительно-экономический анализ, формальная логика, кейс-метод, метод индексного анализа при об-

щем доминировании методологии институционального подхода в сочетании с конвергенцией политэкономического и неоклассических подходов.

Теоретические аспекты крупных форм хозяйствования

Вопросы о преимуществах разных ФХ, а также о том, какие из них должны стать доминантными (МФХ или КРФХ), не являются абсолютно новыми в экономических исследованиях. Однако если по вопросам МФХ и их основной формы – КФХ, на создание которых был ориентирован процесс рыночного реформирования, достаточно много исследований, то по крупным формам хозяйствования ситуация иная. По нашему мнению, это обосновано, во-первых, тем, что изначально институциональные условия формировались для создания конкурентной среды, одним из условий которой является наличие достаточно большого количества малых форм хозяйствования. Во-вторых, в настоящее время отсутствуют универсальные критерии по выделению малых и крупных ФХ в системе АПК при существующих методологических подходах для учета официальной статистикой.

Методологической базой по МФХ традиционно считаются работы А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, А. А. Никонова. По исследованию преимуществ и перспектив развития КРФХ в начальный период реформирования сложно выделить аналогичную по обоснованности научно-методологическую базу. Поэтому среди аналитиков и исследователей теории хозяйственных структур аграрной экономики остаются различия в подходах. Например, В. Ф. Башмачников, следуя выработанным подходам в ходе рыночной трансформации российской сферы АПК, выделяет две модели институциональных аграрных структур: семейную фермерско-кооперативную и фабрично-корпоративную (или индустриально-административную), которые обладают как чертами сходства, так и различиями [1. – С. 205–206].

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 01.02.2025).

Среди общего выделяются: а) функциональная направленность: сельскохозяйственная деятельность как основной вид хозяйственной деятельности; б) похожая организация выполнения основных и вспомогательных операций [1. – С. 205]. При этом предполагается, что в семейной (фермерско-кооперативной) модели первичные производственно-трудовые ячейки (экономический атом) наделены такими фундаментальными правами, как право собственности на средства производства (включая право собственности на землю как основной фактор производства), право на произведенный продукт и право принятия управленческих решений. Во второй модели представители экономического атома лишены аналогичных прав. Иными словами, они не наделены правом собственности и не являются самостоятельными бизнес-единицами, а выступают лишь первичными подразделениями более крупного формования, имея статус наемных работников, которые зависят от хозяина-собственника [1. – С. 206]. Эта позиция рассматривается в качестве одной из версий при классическом подходе теории аграрных структур российскими учеными столичной аграрной экономической школы (В. Я. Узун, Н. И. Шагайда, Е. А. Гатаулина и др.) – авторами одного из наиболее системных исследований по проблемам укрупнения агробизнеса в российской экономике. Этими же исследователями был введен в экономический оборот новый термин, характеризующий специфику процессов укрупнения в российском АПК, – холдингизация [12].

Соглашаясь в целом с выделением первой модели, представленной КФХ, все же стоит сделать уточнение об особенностях российской рыночной модели данной формы хозяйствования. Специфика российской модели КФХ заключается в том, что она не совпадает полностью с классической моделью семейного хозяйства, рассматриваемой в свое время А. А. Чайновым в качестве антипода капиталистической модели хозяйствования, поскольку совре-

менные КФХ, являющиеся основным структурным элементом МФХ, очень часто используют наемный труд. Вместе с тем эта модель отличается от классической рыночной модели фермерского хозяйства, присущей моделям хозяйствования западных экономик [6]. Это скорее гибридная модель, сохраняющая исторические традиции модели семейного крестьянского хозяйства, в частности, в вопросах мотивации. Так, КФХ предпринимательского типа ориентировано на использование современных технологий и на максимизацию доходности.

В КРФХ в свою очередь доминируют принципы товарного производства капиталистической модели, поскольку первичные хозяйственные единицы являются наемными рабочими, обособленными от прав собственности и средств производства, а основной источник их дохода – заработная плата. Указанные обстоятельства накладывают свой отпечаток на ментальное наполнение мотивации такого типа хозяйствования, включая воспроизводство противоречий между собственником и наемными рабочими.

О пределах масштабирования крупного бизнеса в системе АПК поднимают вопросы исследователи региональных научных школ [8]. Среди особенностей таких исследований можно выделить то, что они часто основаны на использовании кейс-метода, подразумевающего анализ конкретных крупных игроков на рынке АПК, или на прикладных аспектах [11; 13]. Встречаются подходы, согласно которым КРФХ (включая агрохолдинги) рассматриваются в качестве организационно-экономической предпосылки для интенсивного ведения АПК [3].

Сравнительно-экономический анализ КРФХ и феномен агрохолдингов

В условиях отсутствия официальной статистики по КРФХ источником информации чаще всего становятся материалы аналитических компаний, например, аудиторско-консалтинговой компании

Belf, которая много лет на профессиональной основе составляет рейтинги хозяйств крупнейших землевладельцев, поскольку в официальных материалах такого рода информация отсутствует [4].

Так, в 2023 г. были выделены 73 крупные хозяйственные структуры (по содержанию представляющие собой крупные интегрированные компании – агрохолдинги), совокупный земельный банк которых составлял 17,4 млн га. Следует отметить, что за последние 10 лет в топ-10 неизменно присутствуют такие агрохолдинги, как «Продимекс», «Русагро», «Мираторг», «Агрокомплекс» и «Авангард-Агро»¹. Все указанные агрохолдинги в 2020–2021 гг. входили в состав системообразующих предприятий АПК, наделенных данным статусом со стороны Минсельхоза России (официальные данные за более поздний период среди открытых данных отсутствуют)².

В 2024 г. совокупный земельный банк 77 крупнейших землевладельцев составил уже 18,5 млн га³. Из этого объема около 7 млн га (или более 35%) приходится на топ-10 крупнейших землевладельцев, что является косвенным признаком высокой рыночной власти таких компаний, учитывая, что они обладают земельными активами в разных регионах страны. При этом, по данным Росреестра, за последние двадцать лет площадь сельхозземель в собственности юридических лиц выросла более чем в 4 раза (с 5,0 млн га до 23,6 млн га). В свою очередь сельскохозяйственные организации (СХО) как одна из категорий хозяйств, учитываемая официальной статистикой, ежегодно приобретают в собственность около 1 млн га сельхозземель. Логично предположить, что такие СХО яв-

ляются структурными элементами агрохолдингов.

Своеобразным феноменом агрохолдингов является то, что они до сих пор не учитываются официальной статистикой. В этой связи наблюдается достаточно любопытная ситуация, когда при анализе КФХ аналитиками фрагментарно изучаются крупные агрохолдинги при отсутствии их учета как государственными институтами, так и в установленных российским законодательством организационно-правовых формах, включая Гражданский кодекс Российской Федерации [12]. Отсутствовали они в качестве объектов исследования и во время первой и второй Всероссийских сельскохозяйственных переписей (ВСХП) 2006 и 2016 гг.

Исследователи объясняют это тем, что официальная статистика при сборе информации не обращает внимание на систему дочерних компаний собственника, а каждый составляющий структурный элемент в агрохолдинге (каждый отдельно зарегистрированный юридический субъект) рассматривается как отдельный бизнес [12. – С. 18].

Соглашаясь с этой точкой зрения, можно добавить, что такой подход воспроизводит эффекты асимметричной информации, поскольку сложно получить объективную картину охвата рыночных ниш разными ФХ при производстве продовольственной продукции. Отсюда затруднения в решении такой задачи, как определение оптимальных типов ФХ и занимаемых ими нишевых пространств для различных подотраслей и регионов с учетом территориальных и институциональных особенностей при достижении указанных целей. При этом важно понять, какими хозяйствующими субъектами и как будут реализованы те задачи, которые определены в новых национальных целях.

Собственно, поэтому «отражающие следы» агрохолдингов при анализе официальной статистикой следует искать среди СХО и опираться при анализе на данные их объемов выпуска.

¹ См.: Крупнейшие агрохолдинги России увеличивают активы в ЦЧР. – URL: <https://chr.rbc.ru/chr/freenews/64e46ca89a79474e8bbdc31c> (дата обращения: 05.02.2025).

² URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/51e/51eaa8c80ceff7be0fdb499a9fbd75a5.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

³ URL: <https://agromics.ru/novosti/zemlevladelcy/> (дата обращения: 01.02.2025).

Российскими исследователями была проделана большая работа по разработке авторской методики выделения агрохолдингов среди одной из трех групп категорий хозяйств (СХО), которые учитываются официальной статистикой. В числе основных использованных приемов – выявление учредителей по кодам ИНН и владельцев контрольных пакетов акций. Однако и в данном случае появлялось много барьеров для сбора полной информации ввиду существования достаточно сложных схем в вертикальном интегрировании [12. – С. 111-112].

Тем не менее при использовании указанной методики на основе данных ВСХП как наиболее полного контента официальной информации «было выявлено 1 063 агрохолдинга, в состав которых входили 3 204 СХО; из них 100 агрохолдингов, в которые входили 578 СХО» [12. – С. 112].

Анализ структуры агрохолдингов из рейтинга топ-10 крупнейших землевладельцев подтверждает версию о сложной структуре каждого из таких интегрированных объединений по принципу модели матрешки.

Так, в состав «Продимекс» входят 15 предприятий с юридическим статусом ООО и ОАО. Это свидетельствует о том, что каждая из этих компаний может вклю-

чать в свои структурные составляющие СХО. В состав «Русагро» входят 20 предприятий с нормативно-правовым статусом ООО, ЗАО, АО, ОАО. «Мираторг» интегрирует около 30 крупных компаний, большинство из которых ООО. В состав «Агрокомплекса» входят 24 компании с аналогичными юридическими статусами. «Авангард-Агро» включает 3 крупные компании со статусом ООО. В данном случае уже первичный анализ свидетельствует о территориальной неоднородности присутствия рыночной власти таких агрохолдингов (когда головная компания и входящие в состав агрохолдинга крупные компании находятся в разных регионах), а также о сочетании разных направлений бизнеса в сельскохозяйственной деятельности, включая производство в сфере растениеводства и животноводства, переработку и логистические направления деятельности (об этом свидетельствуют сами названия структурных составляющих агрохолдингов).

Мы использовали, возможно, более упрощенный прием, но этот подход наглядно иллюстрируется количественными показателями по объемам выпуска сельскохозяйственной продукции СХО (рис. 1).

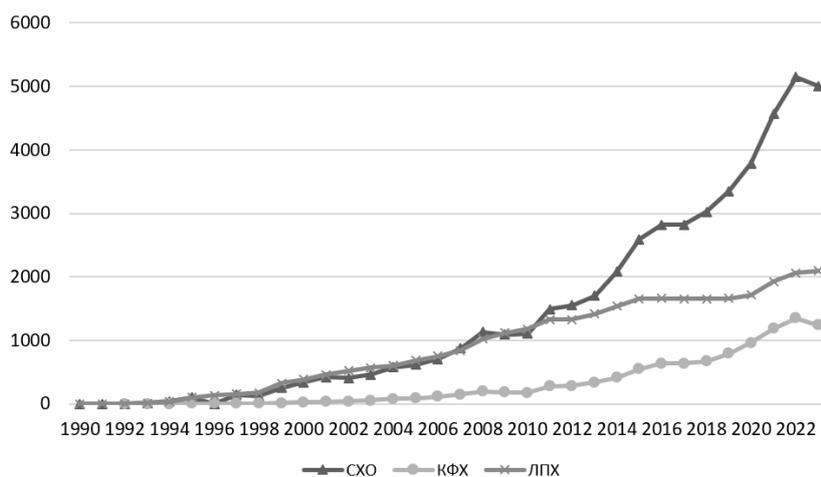

Рис. 1. Темпы объемов выпуска в период рыночной трансформации разных категорий хозяйств (в млрд руб.)

Рис. 1-3 составлены по данным официальной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.01.2025).

Показатели динамики объемов выпуска СХО в общей структуре сельскохозяйственного производства являются дополнительным аргументом в пользу того, что полную структуру агрохолдингов следует находить среди СХО.

По использованной методологии во время Всероссийской сельскохозяйственной переписи среди СХО к крупным формам относились хозяйства согласно таким критериям, как численность работников и объемы выручки [9]. Однако в условиях технологического развития, когда инструменты роботизации, цифровизации и даже искусственного интеллекта (ИИ) все прочнее входят в практическую жизнь, критерий численности сотрудников уже не будет ключевым для оценки укрупнения.

Если проанализировать основные эффекты от вклада в общую структуру сельскохозяйственного производства за годы рыночной трансформации по количе-

ственным показателям, то можно убедиться, что разрыв в объемах выпуска между МФХ (КФХ и личными подсобными хозяйствами – ЛПХ) и СХО начал увеличиваться с 2010 г., а в период 2014–2016 гг. этот разрыв вырос в геометрической прогрессии.

Анализ динамики выпуска продукции растениеводства начиная с 2014 г. свидетельствует о следующих тенденциях:

- отрыве СХО по объемам выпуска по сравнению с КФХ и ЛПХ;
- увеличении земельного банка крупнейших компаний;
- сохранении устойчивых тенденций разрыва до 2020 г. и возрастании отрыва с началом ковидного периода в 2020 г., а затем при новом витке политики санкций в отношении российской экономики в 2022 г., когда разрыв в объемах выпуска между СХО и КФХ и хозяйствами населения (ХН) достиг пиковых значений (рис. 2).

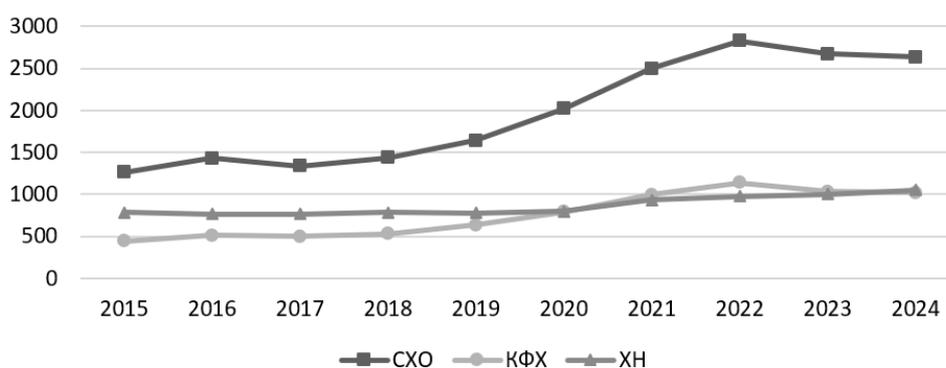

Рис. 2. Динамика объемов выпуска продукции растениеводства разными хозяйствующими субъектами Российской Федерации (в действующих ценах, в млрд руб.)

Внешние шоки 2020 и 2022 гг. в свою очередь можно рассматривать в качестве эффектов повышенного внимания со стороны государства к крупному бизнесу в целях выполнения задач обеспечения продовольственной безопасности в сжатые сроки.

Анализ объемов выпуска основными категориями хозяйств продукции животноводства свидетельствует:

- о еще больших отрывах (в относительных показателях) объемов выпусков

продукции животноводства СХО по сравнению с КФХ и ХН;

- сохраняющейся динамике увеличения объемов выпуска даже после 2022 г., что можно объяснить меньшей зависимостью как от природно-климатических условий, так и от размеров земельной площади (рис. 3).

Также можно отметить, что в период, когда разрыв в объемах выпуска между СХО и КФХ становится очевидным и начинает увеличиваться в геометрической

прогрессии, аналитики и исследователи все чаще говорят об устойчивых трендах

концентрации в системе АПК и о появлении крупных агрохолдингов.

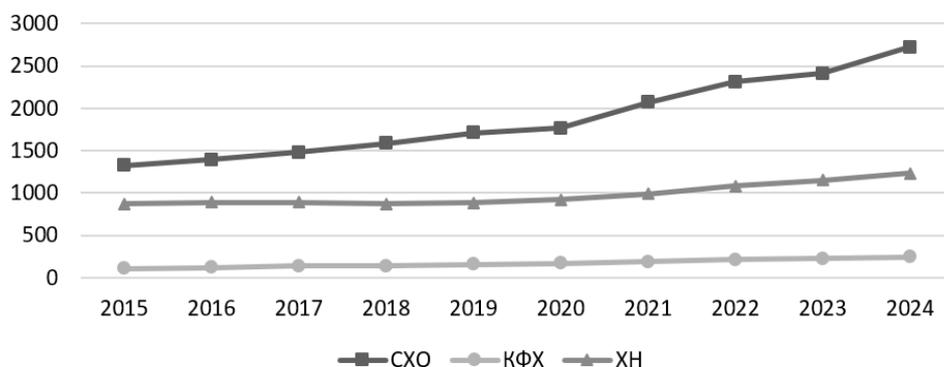

Рис. 3. Динамика объемов выпуска продукции животноводства разными хозяйствующими субъектами Российской Федерации (в действующих ценах, в млрд руб.)

При характеристике крупных ФХ в оборот входят такие термины, как «агрохолдинг», «агрокорпорация», «агрофирма», «агроферма» и «мегаферма» [12. – С. 42–43]. При этом агроферма и мегаферма чаще относятся к хозяйствам, которые специализируются на животноводческой деятельности.

Помимо эффектов внешнеэкономических шоков, которые способствовали сохранению СХО опережающих позиций по темпам роста, совершенно очевидно, что масштабирование агробизнеса во втором десятилетии 2000-х гг. связано и со спецификой трансформации институциональных условий. В данном случае имеется в виду, что после первого пула внешнеэкономических санкций в 2014 г. государством была сделана ставка на крупный бизнес (крупные компании) для обеспечения задач национальной продовольственной безопасности.

Это проявилось в политике государственной и финансовой поддержки крупных хозяйственных структур (компаний) в АПК в форме прямых субсидий, грантов, дотаций, компенсации ставки процента по банковским кредитам и др. [8]. Основными кредиторами в этот период выступали такие системообразующие банки, как ПАО «Сбербанк», доля которого по объемам кредитования составила 35,1%; АО «Рос-

сельхозбанк» – 31,2% и ГК «Внешэкономбанк» – 10,8% [13].

О ставке на крупные хозяйства со стороны государственных институтов пишут и крупные российские исследователи-аграрники (например, академик А. В. Петриков [9]).

Указанные тенденции сохраняются и в условиях высоких процентных ставок, когда банки отказывают в кредитовании даже тем клиентам из малого бизнеса, у которых стабильно хорошая кредитная история (об этом все чаще пишут представители МФХ посредством их публикаций на страницах в соцсетях¹). Это связано с тем, что ставка, по которой кредитуют банки в 2024–2025 гг. перед началом посевной компании, ниже среднего уровня рентабельности МФХ. Это рассматривается финансовыми институтами в качестве серьезных рисков.

О российском феномене КРФХ (в формате процесса холдингизации), которые постепенно трансформировались в агрохолдинги, указывалось в работах исследователей задолго до их массового появления на российском рынке АПК. Например, академик И. Н. Буздалов отмечал: «Давно ли осуждалась советская гигантомания в сельском хозяйстве, а сейчас она принима-

¹ URL: https://vk.com/wall2980604_4432 (дата обращения: 05.02.2025).

ет запредельные размеры и параметры, в частности, в форме сверхкрупных агрохолдингов, этих современных латифундий» [2. – С. 4].

Мы уже отмечали ранее, что КРФХ стали одним из уникальных следствий трансформации форм хозяйствования в отечественной экономике [7]. Внимание в данном случае акцентировалось на том, что агрохолдинги как организационная структура имеют существенные отличия от западных аналогов крупных интегрированных объединений (агроконцернов):

- во-первых, по характеру происхождения: как правило, многие агрохолдинги создаются на землях, приобретенных на основе слияния и поглощения земельных паев;

- во-вторых, по размерам: в отдельных случаях их площади превышают размеры крупных хозяйств дореволюционного периода и достигают 500 тыс. га и более;

- в-третьих, по выстраиваемым отношениям с МФХ: обычно такого рода отношения не партнерские, а чаще по формуле «лидер (агрохолдинги) – аутсайдер (КФХ)» [5. – С. 28].

К указанным специфическим свойствам следует добавить, что отличительной особенностью агрохолдингов в общей структуре ФХ отечественной экономики является и их экономическое содержание. Это исключительно товарные хозяйства, построенные на принципах промышленно-конвейерного и технологического производства; имеющие в своем штате профессиональных менеджеров; часто ориентированные на экспорт при целевой установке максимизации прибыли, что в отдельных случаях становится определяющим при выборе ими предмета производства (как в сфере растениеводства, так и в сфере животноводства). При этом технологический вектор развития, безусловно, можно рассматривать в качестве положительного эффекта крупных предприятий в системе АПК.

Преобладание в мотивационном содержании крупных компаний рыночных

принципов максимизации прибыли порой идет в разрез с ценностными ориентирами развития российского АПК в рамках достижения национальных целей, включая принципы ESG-трансформации. Объяснить это можно тем, что ментальность наемных рабочих, обособленных от средств производства и продукта конечного производства, обычно отличается от ценностных ориентиров: по сохранению сложившихся традиций хозяйствования, культурных и исторических особенностей коренных жителей сельских территорий; по бережному отношению к земле как основному невозобновляемому в физическом плане фактору производства. Указанные отличительные особенности составляют положительные эффекты устойчивых неформальных институтов МФХ в системе российской экономики. В крупных хозяйствах такие эффекты, как правило, отсутствуют, особенно там, где в качестве наемной рабочей силы используется труд мигрантов.

Вместе с тем если исходить из критерия, предлагаемого исследователями, о доминирующей доли в уставном капитале крупных хозяйственных структур одного физического лица или группы лиц, взаимосвязанных между собой контрактными отношениями, то допустимо высказать тезис о том, что *агрохолдинги логично выделять в отдельный тип (или отдельную категорию) форм хозяйствования* при статистическом учете субъектов хозяйствования. Обосновывается это, в частности, тем, что при одном ключевом собственнике, осуществляющем полный контроль за хозяйствующими субъектами (как правило, СХО), входящими в такие объединения на основе многочисленных схем взаимосвязей, агрохолдинг действует на рынке, по сути, как один хозяйствующий субъект.

Еще один вывод, который напрашивается при анализе рассмотренных количественных показателей, принимая во внимание очевидность процессов укрупнения в российском АПК: наблюдаемые процессы происходят в течение всего периода

реформирования вопреки постулатам неоклассического подхода, согласно которому МФХ обеспечивают устойчивость конкурентной среды и развитие цивилизованных рыночных отношений.

Устойчивые процессы укрупнения неизбежно ведут к концентрации на отраслевом рынке АПК и сужению границ рыночной конкуренции в сторону усиления рыночной власти отдельных хозяйствующих субъектов. Поэтому, соглашаясь с термином «холдингизация» при характеристике наблюдаемых процессов, мы считаем допустимым использование категорий экономической теории, синонимичных по содержанию и смыслу. В данном случае предлагается трактовать концентрацию и увеличение рыночной доли КРФХ как *процессы олигополизации*.

Процессы олигополизации с позиций теории рыночной экономики в свою очередь объективно приводят к повышенному вниманию со стороны государства в отношении хозяйствующих субъектов, обладающих рыночной властью. Соответственно, такие тенденции, с одной стороны, неизбежно мотивируют усиление роли государства в части регулирования, а с другой – позволяют осуществлять долгосрочное планирование, поскольку контроль над небольшим количеством субъектов осуществлять проще при решении задач национального уровня по реализации прогнозируемых объемов выпуска.

Заключение

Учитывая проанализированные количественные показатели по объемам выпуска в структуре производства, а также аналити-

ческие материалы по концентрации земельной собственности и структуру системобразующих предприятий, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в течение последних десяти лет прослеживается существенный разрыв в объемах выпуска между СХО и МФХ, что косвенно свидетельствует об устойчивых трендах процессов укрупнения. Поэтому, если в дальнейшем такие тенденции будут сохраняться, можно будет делать более аргументированное заключение о закономерностях в рыночной экономике в части ее развития по модели несовершенной конкуренции – олигополизации. Такие процессы в свою очередь объективно приводят к увеличению присутствия государства в системе агропромышленного производства.

Во-вторых, назрела необходимость выделения агрохолдингов в отдельную форму хозяйствования, учитываемую официальной статистикой, в целях определения: а) доли охвата рынков крупными предприятиями и снижения рисков асимметричной информации для государственных институтов при прогнозировании и решении макроэкономических задач продовольственного обеспечения в сочетании с сохранением ценностных ориентиров развития российской сферы АПК; б) оптимальных типов ФХ и занимаемых ими нишевых пространств для различных подотраслей и регионов с учетом территориальных и институциональных особенностей при достижении новых национальных целей.

Список литературы

1. Башмачников В. Ф. Подрезанные крылья российского фермерства. – Казань : ООО «Престиж-пресс», 2015. – URL: <http://www.viapi.ru/download/2015/126866.pdf>
2. Буздалов И. Н. Российское сельское хозяйство на фоне глобальных мирохозяйственных процессов // Вестник института экономики РАН. – 2011. – № 3. – С. 140–158.
3. Дибиров А. А., Морева А. В. Теоретические основы развития агрохолдингов и их влияние на сельские территории // Экономика нового мира. – 2019. – № 4 (16). – С. 6–23.

4. Кулистикова Т. Лидеры российской пашни. Топ-22 агрохолдингов по землям в обработке. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/28698-lidery-rossiyskoy-pashni-top-22-agrokholdingov/> (дата обращения: 02.02.2025).
5. Максимова Т. П. Влияние Всемирной торговой организации на трансформацию форм хозяйствования в аграрном секторе отечественной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – Т. 8. – № 13 (154). – С. 21–29.
6. Максимова Т. П. Крестьянские (фермерские) хозяйства: институциональный аспект // Российское предпринимательство. – 2017. – Т. 18. – № 15. – С. 2277–2288.
7. Максимова Т. П. Противоречивый характер влияния институтов на трансформационные процессы в аграрной сфере национальной экономики // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 50. – С. 121–126.
8. Моргачев И. В., Гавринова Н. С. Предел масштабирования агробизнеса агрохолдингов Российской Федерации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 163–173.
9. Петриков А. В. Стратегические направления совершенствования аграрной политики России в условиях санкционного давления // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 122–133.
10. Сарайкин В. А. Об изменении роли малых предприятий и малых форм хозяйствования в сельскохозяйственном производстве // Московский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 74.
11. Смирнова В. В. Влияние агрохолдингов на развитие сельских территорий в СЗ ФО // Эффективное животноводство. – 2020. – № 6 (163). – С. 86–89.
12. Холдингизация агробизнеса России. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022.
13. Шевцов В. В., Карпенко Г. Г. О некоторых аспектах работы крупных агроформирований // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 2. – № 3. – С. 142–151.

References

1. Bashmachnikov V. F. Podrezannye krylya rossiyskogo fermerstva [The Cut Wings of Russian Farming]. Kazan, ООО «Prestizh-press», 2015. (In Russ.). Available at: <http://www.viapi.ru/download/2015/126866.pdf>
2. Buzdalov I. N. Rossiyskoe selskoe khozyaystvo na fone globalnykh mirokhozaystvennykh protsessov [Russian Agriculture on the Background of Global Economic Processes]. *Vestnik instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of Economics Institute of RAN], 2011, No. 3, pp. 140–158. (In Russ.).
3. Dibirov A. A., Moreva A. V. Teoreticheskie osnovy razvitiya agrokholdingov i ikh vliyanie na selskie territorii [Theoretical Basis of Agro-Holding Development and their Impact on Rural Territories]. *Ekonomika novogo mira* [Economy of the New World], 2019, No. 4 (16), pp. 6–23. (In Russ.).
4. Kulistikova T. Lidery rossiyskoy pashni. Top-22 agrokholdingov po zemlyam v obrabotke [Leaders of Russian Arable Land. Top-22 of Agro-Holdings by Arable Land]. (In Russ.). Available at: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/28698-lidery-rossiyskoy-pashni-top-22-agrokholdingov/> (accessed 02.02.2025).
5. Maksimova T. P. Vliyanie Vsemirnoy torgovoy organizatsii na transformatsiyu form khozyaystvovaniya v agrarnom sektore otechestvennoy ekonomiki [The WTO Impact on Business Form Transformation in Agrarian Sector of Home Economy]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 2012, Vol. 8, No. 13 (154), pp. 21–29. (In Russ.).

6. Maksimova T. P. Krestyanskie (farmerskie) khozyaystva: institutsionalniy aspekt [Peasant (Farmer's) Enterprises: Institutional Aspect]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2017, Vol. 18, No. 415, pp. 2277–2288. (In Russ.).

7. Maksimova T. P. Protivorechiviy kharakter vliyaniya institutov na transformatsionnye protsessy v agrarnoy sfere natsionalnoy ekonomiki [Controversial Nature of Institution Impact on Transformation Processes in Agrarian Filed of National Economy], *Voprosy ekonomiki i prava* [Issues of Economics and Law], 2012, No. 50, pp. 121–126. (In Russ.).

8. Morgachev I. B., Gavrineva N. S. Predel masshtabirovaniya agrobiznesa agrokholdingov Rossiyskoy Federatsii [Limits of Agro-Holding Business Growth in the Russian Federation], *Nauchniy rezultat. Tekhnologii biznesa i servisa* [Academic Outcome. Technology of Business and Service], 2023, Vol. 9, No. 4, pp. 163–173. (In Russ.).

9. Petrikov A. V. Strategicheskie napravleniya sovershenstvovaniya agranoy politiki Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [Strategic Lines in Upgrading Agrarian Policy in Russia in Conditions of Sanction Pressure]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Academic Works of the Free Economic Society of Russia], 2022, Vol. 235, No. 3, pp. 122–133. (In Russ.).

10. Saraykin V. A. Ob izmenenii roli malykh predpriyatiy i malykh form khozyaystvovaniya v selskokhozyaystvennom proizvodstve [Concerning the Changing Role of Small Enterprises and Small Forms of Business in Agricultural Production], *Moskovskiy ekonomicheskoy zhurnal* [Moscow Economics Journal], 2017, No. 4, pp. 74. (In Russ.).

11. Smirnova V. V. Vliyanie agrokholdingov na razvitie selskikh territoriy v SZ FO [Agro-Holding Impact on Development of Rural Territories in North-West Federal Area]. *Effektivnoe zhivotnovodstvo* [Effective Livestock Breeding], 2020, No. 6 (163), pp. 86–89. (In Russ.).

12. Kholdingizatsiya agrobiznesa Rossii [Agro-Business Holdingization in Russia]. Moscow, Publishing House 'Delo' of RANKh&GS, 2022. (In Russ.).

13. Shevtsov V. V., Karpenko G. G. O nekotorykh aspektakh raboty krupnykh agroformirovaniy [Concerning Certain Aspects of Big Agro-Structures' Work]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva* [Bulletin of the Volzhskiy Tatischev University], 2019, Vol. 2, No. 3, pp. 142–151. (In Russ.).

Поступила: 07.02.2025

Принята к печати: 11.03.2025

Сведения об авторе

Татьяна Павловна Максимова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 109992,
Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Maksimova.TP@rea.ru

Information about the author

Tatiana P. Maksimova

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economic Theory
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: Maksimova.TP@rea.ru